

«Утверждаю»



» октября 2022 г.

Директор ФГБУН ИВР РАН,
член-корреспондент РАН,
д.и.н. ПОПОВА И. Ф.

ОТЗЫВ

ведущей организации – Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института восточных рукописей РАН о диссертации «Политическая история Султаната мамлюков Бурджи (1382–1517): борьба за власть в условиях нединастийной системы престолонаследия», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2 «всеобщая история» профессором Института востоковедения и африканистики Санкт-Петербургского филиала ФГАОУ ВО Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, к.и.н. Илюшиной Миланы Юрьевны

Направленная на отзыв диссертационная работа представляет собой детально проработанное фундаментальное исследование политической истории одного из наиболее могущественных ближневосточных мусульманских государств – Султаната мамлюков Бурджи («Башенных»). Именно в этом состоит ее новизна. Как справедливо отмечено в диссертации, «в российской и зарубежной историографии... попытки целостного научного исследования места и роли военно-политической элиты в системе политико-правовых,

административных, экономических и социальных отношений Султаната мамлюков Бурджи, формирования новой политической культуры в условиях глобальной трансформации накануне Нового времени и региональных изменений, постепенно зарождавшихся в Средиземноморье и на Ближнем Востоке в позднее Средневековье, не предпринимались» (с. 46). Кроме того, «исследований, в которых бы последовательно рассматривалась политическая история в период правления султанов ал-Му’айяды Шайха, аз-Захира Татара, аз-Захира Джакмака, Захира Хушкадама, аз-Захира Йалбая, аз-Захира Тамурбуги, ал-Ашрафа Кансуха Хамсуми’а, аз-Захира Кансуха, ал-Ашрафа Джанбулата и ал-‘Адила Туманбая до сих пор опубликовано не было». Данную лакуну в своей работе Милане Юрьевне Илюшиной удалось заполнить с присущим ей тщанием, чем отчасти объясняется значительный объем диссертации (656 с., из которых 642 с. основного текста).

Вклад М.Ю. Илюшиной не ограничивается фактологией, пусть даже четко выверенной и достоверно реконструированной. В необходимых случаях она ставит под сомнение выводы своих западных коллег, как, например, в случае хорошо аргументированной критики положения А. Фюсса о мамлюкской геронтократии в бурджитский период (с. 56–57, примеч. 3). Теоретический фундамент рецензируемой работы в значительной мере составляют достижения петербургской-ленинградской школы классической арабистики. Так, диссидентант отмечает, что «обращение к научному переводу труда Хилала ас-Саби, выполненному И.Б. Михайловой, позволило проследить истоки эволюции этих ведомств (служб *вазира*, *хаджисиба* и др. – С. Ф.) и послужило верным ориентиром в трактовке ряда терминов» (с. 99–100). Ссылка на эту работу талантливой ученицы О.Г. Большакова представляется весьма уместной.

На уровне методологии М.Ю. Илюшина органично соединила, избежав эклектики, ключевые положения теории элит, впервые сформулированные в работах В.Парето и разработанные Г. Моском, с концепцией структурно-функционального понимания общества и функциональных связей между его отдельными частями Т. Парсонса и Р. Мертона, а также с типологией власти, предложенной М. Вебером (с. 13–15). Следует согласиться с выводом автора о том, что «в целом, методология, разработанная для достижения целей исследования, носит комплексный характер, основана на хорошо зарекомендовавших себя в изучении средневековых восточных обществ традиционных методах исторической науки в сочетании с элементами теоретического количественного анализа и методами социальных наук, с приоритетным вниманием к динамизму исторического процесса, к совокупности, взаимной интеграции микро- и макроистории, взаимозависимости общества, политики, идей в противоположность статике, неподвижности и фрагментарности» (с. 16).

Глава 1 (с. 24–112) закономерно посвящена характеристике использованных источников и историографии проблемы. «Особое место в исторической литературе мамлюкского периода» по праву отведено *Китаб ал-Ибар* великого арабского историка Ибн Ҳалдұна (ум. в 1406 г.), который «был советником аз-Захира Баркука, занимал должность главного маликитского *кади* и возглавлял медресе ал-Камхийа в Каире» (с.74). Отметим, что эта всемирная история, насыщенная уникальными сведениями, нередко оказывается в тени своих «Пролегомен» (*Мұқаддимы*), где Ибн Ҳалдұн изложил собственное представление о закономерностях исторического процесса.

М.Ю. Илюшина показала себя опытным источникovedом, которому, в первую очередь, присуще внимательное отношение к деталям. Так она справедливо указала, что влиятельный эмир Джāнібек

аз-Зāхирī (ум. в 1463 г.), чью карьеру рассматривал Р.Т. Мортел, ссылаясь на хронику Ибр Тағrī Бирдī, был в 1458 г. назначен не *атабеком*, а инспектором Джидды (с. 40–41, примеч. 1). Следует особо отметить введение в научный оборот *вақфийи* аз-Зāхира Қāнсūха, датированной 908/1502 г. и хранящейся в настоящее время в отделе рукописей РНБ (с. 63–64), а также рукописи 1114/1702 г. анонимного трактата о происхождении черкесов (*Nasab al-jarākisa*), относящегося к 1041/1632 г., из фондов Восточного отдела Научной библиотеки им. Максима Горького СПбГУ и отождествление последней с двумя списками небольшого сочинения, также посвященного родословной черкесских беев, 1681 г. из Библиотеки Джона Рейнолдса в Манчестере и 1843 г. из коллекции Британского Музея (с. 100).

О высоком профессионализме диссертанта свидетельствует знакомая арабистам-медиевистам ситуация, когда из-за недоступности печатного издания приходится пользоваться рукописью. Так получилось в случае с сочинением ‘Афīf ад-Дīна Ҳусайна б. Муҳаммада из семьи Ибн аш-Шиҳна (ум. в 1504–1505 или 1510–1511 г.) *al-Badr al-zāhir fī nuṣrat al-Malik al-Nāṣir Muḥammad ibn Qāytbāy*, посвященным короткому периоду правления сына ал-Ашрафа Қа’ит-бая, ан-Нāсира Муҳаммада. Его издание, вышедшее в 1983 г. в Бейруте, осталось недоступным диссидентанту, так что в работе пришлось прибегнуть к оцифрованной копии рукописи из Национальной библиотеки Франции Arabe 1793 (с. 90, 91, примеч. 1; с. 568).

В главе 2 «*Установление власти бурджитских султанов и закрепление новых принципов престолонаследия (1382–1422)*» (с. 113–218) в общих чертах обрисовано, какими территориями и на каких условиях правили мамлюки, помимо Египта и Сирии, а именно Хиджазом, Йеменом, Баркой (Киренаикой), анатолийскими бейликами, указано, какие налоги взимались, какова была в Султанате социальная

структурой населения, какими были численность и состав мамлюкского войска, что за звания (*эмиров пяти, десяти, двадцати, сорока и сотни*) носили представители военно-политической элиты.

На почерпнутом из источников большом и интереснейшем материале (чего стоит достойный пера беллетриста рассказ о беседах Ибн Халдона и Тимура; см. с. 179, примеч. 1), оказался вскрыт парадокс бурджитской системы престолонаследия, заключавшийся в сосуществовании султанов-наследников и свергавших их эмиров-претендентов, в результате чего восторжествовал нединастийный принцип передачи верховной власти.

Расцвет этой своеобразной политической системы в 1422–1467 гг. стал предметом рассмотрения в главе 3 (с. 219–270), а основные черты ее структурного кризиса, сопровождавшегося и во многом провоцировавшегося внешней (по преимуществу османской) угрозой, нашли отражения в главе 4 (с. 271–355). Отдельная глава, 5-я (с. 356–416), детально повествует о падении власти мамлюков в ходе мамлюкско-османского противостояния (в том числе идеологического), завершившегося победосными военными кампаниями Селима I Явуза в Сирии во второй половине 1516 г. и в Египте в самом начале 1517 г. Завершение эпохи мамлюкского господства на Ближнем Востоке «с гибелю последнего бурджитского властителя Египта Туманбая» (с. 416) закономерно оказывается нижним хронологическим рубежом рецензируемой работы.

Как уже отмечалось, диссертация чрезвычайно насыщена фактическим материалом, заметная часть которого впервые введена в научный оборот. В такой ситуации переход от скрупулезного анализа деталей военно-политической обстановки и перипетий придворных интриг непосредственно к Заключению с выводами общего характера, по-видимому, показался автору слишком резким. Потребовалось

принять нетривиальное решение по структуре работы, снабдив ее своего рода промежуточным расширенным заключением в виде главы 6 «Эволюция системы государственного управления в Султанате Бурджи» (с. 417–554)., в которой возобладал социально-политический, а местами даже социологический подход к изучаемым явлениям процессам. В этой связи особенно хочется выделить внимание диссертанта к гендерному фактору, а именно к матrimониальным связям в мамлюкской среде. И это – не дань моде! Подробное освещение брачных связей султанов-наследников, эмиров-претендентов, правящих султанов, статуса их жен и наложниц позволило разобраться в случайных, на первый взгляд, возвышениях и падениях представителей элиты. Значительным вкладом М.Ю. Илюшиной в «мамлюковедение» стала составленная ею *Таблица I* с 59 позициями (с.433–446), где «собраны краткие сведения о судьбах тех эмиров, которые были связаны матrimониальными или семейными (по женской линии) узами с «домом» султана, но сами султанами не стали» (с. 433). Таким образом, Милане Юрьевне удалось преодолеть недостаток свойственный многим историкам, на который указывал классик отечественного востоковедения И. М. Дьяконов в своем *opus magnum*, сетуя на то, что «... читателю исторических книг... можно получить впечатление об истории как об играх одних лишь мальчиков» (Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994. С. 357, примеч. 6). Во всяком случае из диссертации явствует, что в политические игрища мамлюков представительницы прекрасной половины человечества были глубоко и многосторонне вовлечены.

В Главе 6 также скрупулезно рассмотрены зависимость длительности периода карьеры султанов-Бурджи от получения звания эмира до прихода к власти (с. 451: *Диаграмма 1*), от получения статуса мамлюка до прихода к власти (с. 452: *Диаграмма 2*), длительности

пребывания на посту *атабека*, регента или главного *давадара* с длительностью правления (с. 454: *Диаграмма 3*), а также взаимозависимость длительности карьеры, возраста вступления на престол и периода правления султанов (с. 462: *Диаграмма 4*). Значительное внимание уделено мамлюкским должностям (точнее, должностным рангам), включая высшие: *атабека*, *вазира* (с. 464–494). Отдельный параграф (§ 3; с. 505–554) посвящен институту халифата, функциям верховного судьи, главных судей четырех *мазхабов* и наиболее резонансным казусам, которые им приходилось разбирать (включая, разумеется, дела о супружеской неверности), а также суду *мазāлим*, рассматривавшему притеснения со стороны властей. В итоге диссертация дает полное и адекватное представление о многих сферах общественной жизни Бурджитского султаната, а не только о его военно-политической истории.

Три Приложения позволяют легко ориентироваться в годах правления и возрасте султанов-Бурджи (№ 1), в их наследниках (№ 2) и, наконец, в периоде службы эмиров на посту *атабека* в сопоставлении с периодами правления султанов (№ 3). Автореферат верно передает основные положения диссертации.

В то же время работа такого объема не может быть свободна от недостатков. Укажем лишь те из них, которые оказались наиболее заметными, в порядке убывания их значимости.

На протяжении всей работы настойчиво проводится мысль о том, что «с точки зрения шариата легитимность власти мамлюкских султанов была обеспечена еще со времен аз-Захира Байбарса (1260–1277) инвестицией аббасидских халифов, которые после вторжения монголов в Багдад нашли убежище во владениях мамлюков» (с. 126; ср. с. 505–515). Даются ссылки на основополагающую работу В.В. Бартольда «Халиф и султан» (с. 506, 508). Между тем, сам почтенный академик по

повору появления в 1261 г. в Дамаске и Халебе двух претендентов на принадлежность к уничтоженной монголами в 1258 г. в Багдаде ‘Аббасидской династии отмечал, что «по-видимому, сами мусульмане мало верили в подлинность этих Аббасидов» (*Бартольд В.В. Халиф и султан // Сочинения. Т. VI: Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966. С. 38 [С. 15–78]*). Однако никаких доводов в пользу того, что это были не «дети лейтенанта Шмидта», а подлинные представители рода ал-‘Аббāса диссертант не приводит. Нельзя же признать решающим аргументом указание на то, что «мусульманские богословы сочли представленные соискателем свидетельства о принадлежности к семье Аббасидов достаточными» (с. 506).

Вызывает сомнения тезис об «основах теократического правления мамлюкских султанов, получавших власть из рук халифа – *повелителя правоверных*» (с. 126), как и о теократии в исламе вообще. Против этого категорически возражал такой корифей отечественной арабистики, как О. Г. Большаков (см., например: *Большаков О.Г. История Халифата. I: Ислам в Аравии (570–633). М., 1989. С. 190–191*).

Диссертант указывает, что «значительная роль армии в политической жизни Египта неоднократно отмечалась исследователями как устойчивая тенденция политического развития этого занимающего особое место и в geopolитическом, и в идеологическом отношении арабского государства» (с. 6–7). Однако следует понимать принципиальную разницу между Султанатом мамлюков, автономным Египтом в составе Османской империи и современным Египтом. Только после ратификации англо-египетского договора 1936 г. этнические египтяне (египетские арабы) получили право поступать в военные училища и делать карьеру офицеров. Костяк «свободных офицеров» сложился из числа курсантов, поступивших в военные училища в 1936 г.! И они, и поколение ас-Сиси – это плоть от плоти египетского

народа, а никакие не «нео-мамлюки» (с. 7; данный термин представляется крайне не удачным!). При мамлюках выходцы из народа к военной службе не допускались. При Мухаммаде ‘Алī египтяне в армию набирались в качестве рядовых и унтер-офицеров. Лишь при хедиве Исмā‘īле отдельным египтянам удавалось дослужиться до офицерских чинов.

В диссертации многократно упоминается правивший всего два месяца в конце 1467 г. бурджитский султан аз-Зāхир Йалбāй. Между тем, есть два варианта написания его личного имени: с первым *йā'* и с первым *бā'*, причем оба имеют тюркскую этимологию. Второе из них однозначно принято в поздней компилятивной истории Египта (*Мұхаммад-бек Гуайм. Маҳасин ас-сулұқ фй та'рīх ал-хулафā' ва-л-мұлұқ*. Каир, 1938. С. 216: аз-Зāхир Билбāй (بَلْبَى)). По-видимому, оба орфографических варианта следует признать равновероятными (см. также: Зайцева Д.В. Уникальная рукопись по военному делу мамлюков // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3 (19). С. 309–310, 320, примеч. 26).

Востоковеду бывает трудно использовать все имеющиеся источники из-за того, что он не владеет рядом языков. Так, О.Г. Большаков отмечал, что источники на классическом армянском, старогрузинском и геэзе (Хронику Иоанна Никиусского) он использовал исключительно в переводах. Между тем, по ряду тем, затронутых в диссертации, например, по первой османо-мамлюкской войне (1485–1491) есть изданные труды на староосманском языке, прежде всего османского историка Турсун-бея (Дурсун-бея) (ум. после 896/1491).

Переводить названия арабских сочинений – то же самое, что переводить библиотечные шифры. Как показал в своих пионерских по данному вопросу работах Н. И. Сериков, делать этого не следует (см., например: Сериков Н.И. Что означает заглавие сочинения Ибн ан-

Надима *Kitāb al-fihrist?* Об одной неизвестной греко-арабской параллели // Подарок ученым и утешение просвященным. Сб. статей, посвященных 90-летию профессора Анны Аркадьевны Долининой / Сост. В.М. Дзевановский-Петрашевский. СПб., 2016. С. 41–61).

При всей полноте списка источников и литературы его есть чем дополнить. Так, не был использован детально проработанный очерк о мамлюкско-эфиопских дипломатических отношениях Ж. Луазо (*Loiseau J. The Ḥaṭī and the Sultan: Letters and Embassies from Abyssinia to the Mamluk Court* // Bauden Fr., Dekkiche M. (eds). Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies. Studies on Diplomacy and Diplomatics. Leiden, 2019. P. 638–657 (chapter 20)), две другие статьи которого включены в библиографию, хотя тема контактов Султаната мамлюков и Эфиопии в диссертации затронута (см., в частности, с. 113).

Рецензируемая диссертация хороша еще и тем, что порождает интересные ассоциации. Так, в обзоре источников говорится, что Бадр ад-Дайн ал-‘Айнī (ум. в 1451 г.) в своем сочинении *Iqd al-jumān fī ta’rīkh ahl al-zamān*, законченном в 1447 г., обратил внимание на генеалогию султана аз-Зāхира Тātāra и «утверждал, что далекие предки Татара были арабами из племени Гассан» (с. 77). В этой связи стоило бы отметить, что династия Расулидов (1229–1454 гг.), с пребыванием у власти которых связывается золотой век в истории средневекового Йемена, также претендовали на происхождение от Гассанидов, несмотря на реальные огузские корни. Идет ли речь о простом совпадении или тюрки по какой-либо причине или совокупности причин были не прочь вести свой род от арабских вассалов Византии? В качестве акрибии подчеркнем, что название вышеупомянутого племени пишется со строчной буквы, а династии – с прописной.

По словам диссертанта, «все арабские и неарабские, но представленные в источниках в арабском написании имена собственные,

названия и термины в тексте работы приведены без транслитерации (с сохранением «‘» для ‘айна, а также «’» для хамзы в середине и конце слова)» (с. 4, примеч. 1). Только называется это не «без транслитерации», а в облегченном варианте научной транслитерации, разработанной И. Ю. Крачковским. Кроме того, личное имя **عبد** транслитерируется не как ‘Абдух (с. 42), а как ‘Абдо или уж ‘Абду-ху. Полное имя одного из египетских исследователей, **فَاهِدْ حَامِمَادْ** Мухаммад ‘Ашур, верно затранскрибировано на с. 635 (в библиографии), но дано с ошибочной заменой хамзы на ‘айн на с. 43: «работа Фа‘ида Хаммада Мухаммада ‘Ашура». На с. 67 говорится о войне «между мамлюками и караманидами». Но Караман – это топоним, как и Газна, и раз Газневиды пишутся с прописной буквы, также должны писаться и Караманиды.

Все составные термины в первым элементов «этно» пишутся слитно, а не с дефисом, как на с. 25: «некоторым этно-культурным характеристикам».

Фамилия Fuess немецкого исследователя из Марбургского университета транскрибируется «Фюсс», а не «Фуэсс» (с. 35). Van Steenberger следовало бы читать по-нидерландски «Ван Стенбергер», а не на английский манер «Van Стингбергер» (с. 36–37). С ошибками затранскрибированы фамилии японских исследователей (с. 38–39): так, в отечественной востоковедной традиции *shi* передается как «си», *chi* – как «ти», а потому Igarashi должно передаваться как «Игараси», а не «Игараши», а Nakamachi – как «Накамати», а не «Накамачи».

Несмотря на отмеченные недочеты, которые легко устранимы, рецензируемая диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук соответствует заявленной специальности 5.6.2 «всеобщая история» и отвечает всем требованиям, предъявляемым к такого рода работам, а

ее автор, Милана Юрьевны Илюшина, заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Отзыв составил доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока – главный научный сотрудник ФГБУН ИВР РАН ФРАНЦУЗОВ Сергей Алексеевич

Отзыв обсужден и принят на заседании отдела Ближнего и Среднего Востока ФГБУН ИВР РАН 17 октября 2022 г. (протокол № 4) в ходе открытого голосования («за» всех , «против» кем , «воздержались» кем).

«17 » октября 2022 г.

Председательствующий на заседании,
доктор исторических наук, главный научный
сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока

ХОСРОЕВ А. Л.

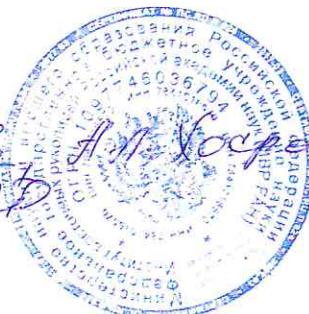
Секретарь заседания, кандидат
исторических наук, старший научный
сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока

ГРУШЕВОЙ А. Г.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт восточных рукописей
Российской Академии наук
Адрес организации:
191186 г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18, литер A
Телефон: +7 (812) 315-87-28
e-mail: iom@orientalstudies.ru
Web-сайт: <http://orientalstudies.ru>

Подпись
удостоверяю:

И. О. Слобода
17. 10. 2022



С. А. Французов
А. Г. Грушевский